

ЕНИСЕЙСКІЙ

ЦЕРКОВНЫЙ ВЪСТАНКЪ.

Еженедѣльный церковно-общественный журналъ.

Подписка принимается въ редакціи: г. Красноярскъ, Воскресенская ул., д. Покровской церкви.

Цѣна годовому изданію съ доставкой и пересылкой ПЯТЬ Р. 50 К.

На Христа.

Усиленно, лихорадочно работаетъ общественная мысль. Въ силу естественнаго соарикосновенія социальнаго вопроса съ религіознымъ она не забываетъ и послѣдняго. Но при этомъ, въ виду общаго направленія работы, сказывающейся въ стремленіи пересоздать все старое на новыхъ началахъ, перерѣшаются и вопросы религіи. Оказывается, и въ этой области есть кое-что „устарѣлое.“ Предъ нами серія новѣйшихъ брошюръ по социальнымъ вопросамъ, которыя десятками выбрасываются почти ежедневно на книжный рынокъ и всегда находятъ въ изобиліи потребителей. Имѣя въ виду рѣшеніе того или другого вопроса, авторы этихъ брошюръ почти всегда привязываютъ къ нимъ и рѣшеніе вопросовъ вѣры и нравственности... Всѣмъ хорошо извѣстно, что наиболѣе успѣшное перевоспитаніе общества начинается съ перевоспитанія дѣтей. Это отлично понимаютъ проповѣдники новой жизни на новыхъ началахъ. И вотъ, въ результатъ подрастающему поколѣнію преподносятся новые взгляды на религію, на нравственность и даже на Самого Христа. Немало, при этомъ, высказывается упрековъ и по адресу служителей Церкви, призванныхъ оберегать отъ растлѣнія духовную природу человѣка. И все это дѣлается часто подъ флагомъ научныхъ изысканій, которыя, будто бы, съ неизбежностью приводятъ къ тому заключенію, что каждая религія, не исключая и христіанства, живетъ на счетъ обмана или безсознательной лжи.

Вотъ, напримѣръ, небезынтересная въ этомъ отношеніи книжка проф. А. Доделя „Моисей или Дарвинъ,“ напечатанная восьмымъ нѣмецкимъ изданіемъ и съ послѣдняго только что переведенная на русскій языкъ.

Желающій отрѣшиться хотя на минуту отъ докучливыхъ, подчасъ, рѣшеній социальныхъ вопросовъ, быть можетъ, захочетъ освѣжиться и отдохнуть на этой книжкѣ, содержаніе которой связано съ священнымъ именемъ библейскаго бытописателя и съ извѣстнымъ естествоиспытателемъ. Но онъ ошибется, потому что и здѣсь тотъ-же самый социальный вопросъ, заканчивающійся хорошо знакомымъ заключеніемъ: „пора выбросить вѣру въ чудеса за бортъ“... „Молодые граждане должны дѣйствовать согласно съ природой человѣка, а вѣра въ чудеса учить о нарушении законовъ природы, о безпорядкѣ, о чемъ ни одна естественно-историческая дисциплина ничего не знаетъ“... При этомъ данный выводъ авторъ старается обосновать quasi научными, но въ существѣ дѣла давно избитыми и достаточно опровергнутыми ученой критикой данными. И вотъ эти данныя: „Исторія творенія—мифъ, расхолаживающійся съ данными естественныхъ наукъ“... „Дьяволъ въ исторіи грѣхопаденія—вымыселъ, внесенный въ сознаніе іудейскаго народа много столѣтій спустя послѣ Моисея“... „Изъ безнадежнаго возрѣнія, что мы все срослись съ первороднымъ грѣхомъ и стремимся къ гибели, возникла идея спасенія и освобожденія посредствомъ сверхъестественной Божественной помощи“... „Христіанство, по пониманію православной Церкви, незаконное дитя мозаизма, мистическое разрѣшеніе загадки о грѣхопаденіи и первородномъ грѣхѣ“... Обезцѣнивъ ветхозавѣтную религію и христіанство, профессоръ Додель становится все развязѣе и развязѣе... „Съ христіанствомъ началось презрительное отношеніе къ природѣ“... „Апостолъ Павелъ отрицалъ полезность науки; то-же дѣлалъ и Иисусъ Христосъ, хотя и мягче, чѣмъ Его „усердный“ апостолъ... „Христіанство разлито тьму“

невѣжество.“ Вотъ „новыя истины,“ которыя направо и налѣво однимъ взмахомъ пера насаждаетъ Додель. Понятно при этомъ, что Богъ, какъ Высочайшее Существо, тронное въ Личахъ, отходить у Доделя на задній планъ. „Кто ищетъ истину, только тотъ ищетъ Бога,“ — вотъ къ чему сводятся все замѣчанія Доделя о Моисей и Дарвинъ въ связи съ возникновеніемъ христіанства. У него определенное личное Существо — Богъ подмѣнено отвлеченнымъ понятіемъ истины. И онъ авторитетно пожимаетъ руку всему, кто ставитъ себя только въ соотношеніе съ природой и людьми, но не съ Богомъ. Сдѣлавъ нѣсколько ненужныхъ саркастическихъ замѣчаній съ тономъ самоувѣреннаго, но не серьезнаго профессора по поводу знакомыхъ ему учебниковъ Закона Божія, Додель дѣлаетъ общіе выводы, что въ школѣ не должно быть мѣста преподаванію какой-нибудь религіи... Къ такимъ же выводамъ, хотя иногда и изъ другихъ оснований, приходятъ и нѣкоторые русскіе публицисты, какъ на примѣръ, Петрищевъ въ книжкѣ „Церковь и Школа“... Читая эти выкладки и невольно удивляешься той безцеремонности, съ которою перетряхиваются старыя воззрѣнія на Библию и преподносятся современному читателю. А эти выкладки дѣйствительно не новы. Еще ранѣе Доделя цѣлая фаланга ученыхъ останавливалась надъ библейскою исторіею міротворенія и грѣхопаденія прародителей. Таковы, на примѣръ, Шиллеръ, Бретшнейдеръ, Боленъ, Буттманъ, Вешгейдеръ, де Ветте, Гезеніусъ, Тухъ, Эйхгорнъ, Бауеръ, Велльхаузенъ, Будде, Смендъ, Кайзеръ, Штаде и др. Но Додель, выставляя для большой публики свои соображенія и упоминая нѣкоторыхъ писателей и ораторовъ вродѣ Ингерзоля*), Фюррера**) и т. п., и не озаботился указать на своихъ почтенныхъ, хотя иногда и очень крайнихъ, предшественниковъ по наукѣ, которые давали тождественное съ нимъ рѣшеніе по вопросамъ подлинности Библии. А между тѣмъ это указаніе особенно важно, такъ какъ упомянутые нами изслѣдователи, будучи сами крайнихъ воззрѣній, наилучшимъ образомъ взаимно изобличаютъ себя. А вѣдь, входя во святая святыхъ — въ область религіи, онъ, казалось бы, долженъ былъ подвести все итоги научныхъ изысканій въ этой области, а не преподносить читателю безапелляціонныя рѣшенія, которыя затрагиваютъ все стороны социальной жизни...

И нужно замѣтить, профессоръ Додель не одинокъ въ своихъ нападкахъ на религію. Если онъ противникъ

всякой вѣры и всякихъ вѣрованій, то вмѣстѣ съ нимъ появляются и подобные же противники нравственности. Мы не говоримъ, на примѣръ, о Бакунинѣ, посмертный трудъ котораго „Богъ и Государство“ теперь распространяется среди читающей публики. Этотъ трудъ заключаетъ въ себѣ слишкомъ много оскорбительнаго для христіанскаго чувства, ревниво оберегающаго свои вѣрованія отъ ложнаго и часто несправедливаго прикѣпленія къ нему. Но вотъ „новое“ ученіе о нравственности Менгера — недавній переводъ съ нѣмецкаго.

Признавая нравственность и совѣсть результатомъ приспособленія къ данному соотношенію социальныхъ силъ, Менгеръ находитъ, что только людская глупость убѣдила человѣка въ юности, будто нравственныя понятія являются неподвижной точкой въ человѣческой жизни, что какъ нравственность, такъ и совѣсть по существу своему „прозаическія“ явленія. При такомъ взглядѣ на нравственность естественно не можетъ быть и рѣчи о христіанской, евангельской нравственности. „Уже теперь можно предвидѣть тотъ моментъ, когда христіанская церковь въ свою очередь утратитъ почти все свое вліяніе на народныя классы, и ея колоссальный организмъ потеряетъ для практической нравственности всякое значеніе... Соціализмъ можетъ надѣяться, что ему удастся создать такую нравственность, которой не будетъ грозить опасность снова попасть подъ вліяніе религіи... Эта социалистическая мораль будетъ для насъ высшимъ идеаломъ чисто человѣческой нравственности, совершенно свободной отъ вѣры въ догмы религіи.“ Вотъ наиболее выразительныя обрывки новаго ученія о нравственности, которые иногда обосновываются на легковѣсныхъ справкахъ изъ исторіи. Вотъ, поистинѣ „князи людскія“ собрашася вкупѣ на Господа и на Христа своего:“ Вотъ вторичное пропятіе Христа. Здѣсь намъ невольно припоминается яркая картина невѣрія, нарисованная когда-то съ особой выразительностію выдающимся русскимъ проповѣдникомъ*). „Вотъ зрѣлище, которое открывается въ наше время, предъ глазами нашими Иисусъ Христосъ снова преданъ и снова предстать на судѣ, на судѣ настоящаго современнаго міра. И онъ, этотъ міръ, судитъ Христа по своимъ новымъ идеямъ и началамъ... Здѣсь, чтобы судить Христа, соединяется все, что есть высокаго и блестящаго въ современномъ мірѣ: просвѣщеніе, цивилизація, политика, все новыя идеи времени; сюда обращены взоры всего образованнаго міра, чтобы по суду образованнѣйшихъ его представителей опредѣлить отношенія современнаго

*) Заблужденія Моисея.

**) Дарвинизмъ и социализмъ.

*) Іоаннъ, еп. Смолен.

человѣчества ко Христу: какъ Его разумѣть и что съ Нимъ дѣлать. Является новый измѣнникъ Христу, новый предатель. Кто? Это опять ученикъ Христовъ; это человѣческій разумъ, Христомъ просвѣщенный. Просвѣщенному разуму, въ его современномъ развитіи, слишкомъ тяжело стало иго вѣры; онъ чувствуетъ себя какъ бы приниженнымъ, связаннымъ; онъ жаждетъ свободы мысли, свободы неспытаній и убѣжденій; вѣрующіе представляются разуму жертвами неспытанной вѣры, непробвенныхъ чувствъ, даже рабами правственнаго деспотизма. Здѣсь дѣло отзывается уже не тридцатью серебряниками... Мысли новаго предателя идутъ гораздо дальше, шире, глубже, чѣмъ древняго. И предательство ужаснѣе! Открывается новый, великій синодріонъ. Это соборъ высшихъ наукъ, въ ихъ современномъ направлении, наукъ, утверждающихся на свободномъ изслѣдованіи предметовъ вѣры и знаній. Это судилище изслѣдуетъ, повѣряетъ во имя самобытнаго просвѣщенія... Страшно это судилище; оно не признаетъ никакого авторитета въ вопросахъ духа, кромѣ самаго духа. Все за разумъ и свободу человѣка, будто бы стѣняемые христіанствомъ. И стоитъ Христосъ, униженный, лишенный всего сверхъестественнаго значенія и всѣхъ искупительныхъ правъ надъ человѣчествомъ... Онъ низводится въ рядъ людей... Страшно за человѣческій разумъ, страшно за человѣчество. Особенно страшень пріговоръ ученаго суда тѣмъ, что наиболее сильно дѣйствуетъ на молодые умы::.

И это „новое“ ученіе находитъ дѣйствительно немало своихъ сторонниковъ. Объ этомъ, по крайней мѣрѣ, краснорѣчиво говоритъ жажда читающей публики новыхъ произведеній по вопросамъ религіи и правственности—жажда, превращающая книжные магазины въ какіе-то муравейники, въ которыхъ покупатели наперебой просятъ „новенькаго“ по старымъ вопросамъ. Не нужно, при этомъ, преувеличивать значенія современныхъ проповѣдей социализма; не нужно, однако, успокаиваться и на томъ предположеніи, что онѣ питаютъ лишь поверхностную мысль. „Новые“ взгляды еще не проникли въ глубь русскаго самосознанія; но несомнѣнно также и то, что они имѣютъ уже немало своихъ сторонниковъ, которые еще такъ недавно стояли въ рядахъ членовъ Церкви. Церковь, какъ мать, „объявлявшая весь земной міръ, подвергается теперь, —выражаясь словами блаженнаго Августина, такой напасти со стороны различныхъ и многочисленныхъ заблужденій, что ея собственные выкидыши дерзаютъ поднять противъ нея оружіе::). *)

*) Блаж. Августинъ въ наставленіи юношамъ.

Понятно, поэтому, что „ей нужна помощь истинныхъ сыновъ, въ числѣ коихъ и ты“. Эти заключительныя слова, тоже принадлежащая блаж. Августину, —особенно благовременный призывъ. Это —призывъ общій для всѣхъ, призывъ налагающій, однако, на пастырей особыя задачи, опредѣляемыя духомъ времени.

Теперь—или никогда! Сознанье умираетъ,
Стыль гаснетъ, совѣсть спитъ. Ни проблеска
кругомъ...

Одно ничтожество свой голосъ возвышаетъ...

И если и всегда пастырь долженъ быть народнымъ учителемъ, то теперь, когда какъ бы умираетъ въ обществѣ христіанское сознаніе, когда совѣсть утрачиваетъ чуткость къ вопросамъ вѣры, ему нужна особая освѣдомленность въ области новыхъ вѣяній, которыя ощутительны для всѣхъ насъ —и пасомыхъ, и пастырей. И кому, въ самомъ дѣлѣ, неизвѣстно то, что простая безхитростная вѣра, которая многихъ возводила на высшую степень правственнаго совершенствованія, отходить теперь въ область отрадныхъ воспоминаній. Если прежде общество согласнымъ хоромъ готово было пѣть гимны религіозной вѣрѣ, то теперь слышимъ немало обидной прони по адресу всякихъ вѣрованій. Если прежде было много людей, успокоивавшихся среди житейскихъ невзгодъ въ сознаніи живого религіознаго чувства, то теперь большинство, полагая, что оно смотритъ въ корень вещей, сомнѣвается въ первоосновахъ религіи.

Правда, и въ наше время, какъ и всегда, общественному сознанію предносятся двѣ дороги:

Одна —къ идеалу, другая къ могилѣ...

Но первая дорога —сбитая, потому что идеаль правственной личности подмѣненъ золотымъ кумиромъ —идею общаго матеріальнаго благополучія. Вторая —неизбѣжная, но, при отсутствіи вѣры въ вѣчность, мрачная дорога... А ее то, кажется, только и хотятъ оставить своимъ поклонникамъ борцы за высшее довольство человѣчества. Сомнѣніе въ области вѣры, поселяемое въ общественномъ сознаніи, требующемъ матеріальнаго довольства, которому, какъ думаютъ, безсила помочь религіозна вѣра съ ея догматикою и чудесами, —вотъ печальный, но осизательный результатъ односторонней работы въ области рѣшенія социальныхъ вопросовъ. И цѣнность этого результата, повидимому, достаточно взвѣшена: однихъ онъ печалитъ, другихъ радуетъ. На появлѣ сомнѣній въ вопросахъ вѣры должно состояться побѣдное шествіе всеотрицающаго разума и

торжество естественнаго права чловѣка надъ нравственнымъ закономъ,—утѣщается социализмъ. Съ зарожде-ніемъ его разбивается вся вѣра сердца, вытравливается тотъ ароматъ, который мѣшаетъ жизни портиться,—справедливо печалится христіанская ревность по Богѣ...

Но колесница разума настойчиво толкается въ сре-ду... Религіозныя вѣрованія, чудеса, открыто провозглашаются заблужденіемъ или сознательнымъ обманомъ давно минувшаго.

Ужели же пастьрю безмолствовать, когда Христосъ такъ поругаемъ?!

Нѣтъ, воспитавъ въ собственномъ сознаніи безапелляціонное довѣріе къ доводамъ разсудка, враги религіи въ широковѣщательной дешевой литературѣ колеблуть всѣ ея основанія, подставляя очки, въ которыя не видно истины... И всякому охранителю Христовой вѣры необходимо раскрыть и освѣтить всю фальшь новѣйшихъ лжеученій. Было время, когда достаточно было призыва къ живой вѣрѣ. Теперь же необходимо настойчивое напоминаніе и о разумныхъ основаніяхъ ея. А для этого, конечно, необходимо дать отвѣтъ всякому вопрошающему относительно того, что волнуетъ общество, что преподносится ему людьми пера и науки.

Націонализмъ, общество и школа.

У серьезныхъ авторовъ, останавливавшихся на опредѣленіи того, въ чемъ заключается сущность національности, какъ, напр., у Ал. Градовскаго, В. Соловьева, мы находимъ, приблизительно, слѣдующее опредѣленіе національности и того, чѣмъ она выражается. Национальность есть совокупность личностей, происшедшихъ отъ одного корня, такъ сказать, отъ одной семьи, и въ теченіе ряда лѣтъ или вѣковъ подвергавшихся одинак. естественно-историческимъ условіямъ; поэтому национальность выражается однообразнымъ складомъ характера, однообразнымъ вѣрованіемъ и міросозерцаніемъ у людей. Чѣмъ многочисленнѣе однообразныя черты у разныхъ группъ людскихъ, тѣмъ сильнѣе проявляется національное различіе этихъ группъ. „Полное общеніе интересовъ и дѣйствительное внутреннее единство можно найти только въ национальномъ обществѣ, почему оно будетъ крѣпче, сильнѣе при субъективномъ разнообразіи личностей, чѣмъ въ обществѣ, основанномъ на общечеловѣческихъ интересахъ, на отвлеченномъ понятіи о единствѣ чловѣческаго рода“ („Совр. воззрѣн. на госуд.“ А Градовскаго).

Таковъ научный выводъ о значеніи національности

въ государственномъ устройствѣ.

Въ то-же время, мы находимъ у такого знатока психическаго міра, какъ Достоевскій, разсужденіе о томъ, что чловѣколюбіе и понятіе о единствѣ чловѣческаго рода, построенное на отвлеченномъ понятіи, не можетъ существовать. Оно неизбежно должно превратиться въ отвращеніе людей другъ къ другу.

Приходится поэтому принять за аксіому, что національное сознаніе есть залогъ сознанія единства интересовъ, политическаго и социальнаго уклада. Языкъ или рѣчь служитъ первымъ показателемъ національнаго единства. Общеніе людей одной національности дѣлается желательнымъ для нихъ и воплнѣ возможнымъ. Самые поступки людей и отношеніе къ общественнымъ вопросамъ дѣлаются понятными только одноплеменникамъ. Вѣрованія сближаютъ людей, образуютъ единство духа. Единобразіе естественныхъ условій устанавливаетъ единство матеріальныхъ интересовъ. Какъ самыя рельефныя черты характера данной національности, такъ и общность историческихъ событій выливаются въ народномъ эпосѣ, особенно въ былинахъ, историческихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ. Во всемъ этомъ самъ народъ видитъ себя, какъ въ зеркалѣ, ему становятся дороги всѣ черты національнаго уклада жизни.

Пока „общество“, т. е. верхніе слои народа, не окончательно порвали связь съ нижележащими слоями, до тѣхъ поръ въ представителяхъ этихъ слоевъ національное сознаніе и чувство живетъ, какъ бы въ сокрытомъ состояніи, потенціально. Наше общество начала 19 вѣка было именно въ такомъ состояніи.

Чуткій къ правдѣ реальной, нашъ гениальный писатель, Л. Н. Толстой, изобразилъ въ увлекательной картинѣ эту истину. Вспомните ту чудную картину, когда Наташа Ростова съ братомъ Николаемъ („Война и миръ“) послѣ охоты съ борзыми попала къ дальнему родственнику-дядѣ и, увидавъ, какъ пляшетъ женщина „русскую“, стала сама танцевать ее, не учившись. Но дѣло не въ „на“, не въ „фигурахъ“, а въ томъ, что Наташа плясала съ полнымъ выраженіемъ, какъ можетъ плясать только истинно-русская дѣвушка. Откуда это? Въ пей, въ Наташѣ, жила та же русская удалъ, та же скромность, что и въ любой русской женщинѣ. Она бессознательно переняла все это подъ звуки родного мотива. У Толстого же прочтите то пламенное увлеченіе общества и отдѣльных лицъ событіями въ 1812 году, въ Москвѣ, при бытности тамъ Государя. Откуда все это?! Да изъ русскаго, широкаго, любящаго родину, сердца! Национальное

сознание и чувство есть бесспорно тотъ краеугольный камень, на которомъ создается прочное и сильное государство. Всякое другое основание для государства явится пескомъ подъ зданіемъ. Такъ говорятъ намъ люди науки, такъ оно видно и изъ классическихъ произведеній лучшихъ нашихъ поэтовъ-художниковъ.

Признание такой важности національнаго сознанія, выраженное и народными былинами, и пѣснями, побуждаетъ умныхъ педагоговъ предъявлять къ государственному и частному въ государствѣ школамъ требованіе, чтобы школы были непременно національны. Паульсонъ поясняетъ намъ, это достигается тѣмъ, что въ основу всѣхъ научныхъ истинъ и матеріаломъ при обученіи должно полагать родныя, національныя формы проявленія истинъ и все обученіе должно вестись по національнымъ произведеніямъ и образцамъ. Это не значитъ, что нужно унижать всякую другую національность, а обозначаетъ, что нужно приучать къ изученію прежде всего своего, и только въ случаѣ недохвата обращаться къ общечеловѣческому, и необходимо развивать любовь къ національному.

У насъ же, какъ видно теперь изъ многочисленныхъ газетныхъ сообщеній, въ школахъ разные попечители, учителя и воспитатели стремятся къ тому, чтобы воспитуемые не проявляли любви къ своему національно-русскому, считая это проявленіемъ партійности.

О, несмысленные, слѣпые вожди еще не прозрѣвшихъ юнцовъ! Неужели же національное, т. е. создающее силу и мощь государства, есть партійное?! Развѣ не ведете вы цѣлыя поколѣнія молодежи въ яму, изъ которой трудно выбраться и которая называется космополитизмомъ?!

Къ началу XX вѣка наше индустрированное общество совершенно оторвалось отъ народа. Только потому оно въ большей своей части утратило любовь къ своей національности и чувство національнаго достоинства.

Въ этомъ виновата наша школа съ одной стороны и привычка въ нашемъ обществѣ стараться подражать вышности европейскаго общества, не вдаваясь въ суть дѣла и не замѣчая, что многое изъ вышняго тамъ национально, а у насъ оказывается не национально. Особенно подражательность у насъ развилась въ политическихъ вопросахъ. Еще Тургеневъ въ одномъ изъ писемъ къ Герцену указывалъ на то, что наши передовики либералы съ европейскимъ отбѣнкомъ поклоняются тѣмъ богамъ, которыхъ нашъ народъ не призываетъ и не чтитъ. Въ этомъ отношеніи у славянофиловъ можно найти гораздо большее знаніе народно-

національнаго характера и духа, чѣмъ у тѣхъ, которыхъ упрекалъ И. С. Тургеневъ въ лицѣ своего друга Герцена.

И все-же тѣ передовики и въ увлеченіи своемъ были крупными личностями. А 50 лѣтъ спустя, въ наше время, оторванность всѣхъ либеральствующихъ частей общества дошла до того, что увлеченіе космополитизмомъ уравнило по худшимъ, слабѣйшимъ представителямъ всѣхъ либераловъ и прогрессистовъ.

У многихъ можетъ возникнуть вопросъ: какъ быть съ русской національностью, когда населеніе Россіи состоитъ не изъ однихъ русскихъ, а въ его составъ входятъ и другія національности? Имъ можетъ показаться, что именно это обстоятельство заставляетъ въ Россіи вести космополитическую линію и тѣмъ уравнивать всѣ національные интересы. Но это мнѣніе и этотъ вопросъ могутъ появиться у людей, недостаточно знающихъ національный характеръ русскаго народа, создателя русскаго царства, и не понимающихъ совершенно національнаго вопроса. Русь нигдѣ и никогда не навязывала другимъ національностямъ своего уклада жизни, созданнаго національнымъ характеромъ и миро-созерцаніемъ. Она всегда и всюду уважала чужое національное чувство. Но лучшая часть русскаго общества и народа отлично понимала, что высшіе духовно-нравственные интересы связываютъ другія національности съ русской національностью. Прекрасно выразилъ эту мысль Н. Х. Бунге, нѣмецъ по происхожденію, но русскій по душѣ. Онъ указалъ, что русская національность, любя сильную и справедливую власть въ лицѣ Царя, справедливостью и своей могущественностью и свободными учрежденіями въ своемъ государственномъ укладѣ возбуждаетъ къ себѣ уваженіе и создаетъ стремленіе національностей, входящихъ въ составъ населенія Россіи, принадлежать къ русскому царству. И глядя на состояніе Россіи за послѣдніе два вѣка, мы видимъ, что это вѣрно.

Только непониманіе болѣе молодыми поколѣніями русской національности и «око космополитизма» нашего общества за послѣднія 50 лѣтъ, породило всю ту сбивчивость понятій о національномъ вопросѣ, которую мы видимъ и въ жизни, и въ школѣ. Для блага нашего отечества мы, русскіе, не должны забывать своей національности, а потому въ школахъ воспитаніе должно быть вполне национальнымъ, а гг. педагогамъ слѣдуетъ наблюдать не за тѣмъ, чтобы русская національность не проявляла себя въ дѣтяхъ и юношахъ, а за тѣмъ, чтобы не было шовинизма, пренебреженія къ другимъ

національностямъ, а русская, какъ основная въ Россіи, не подвергалась бы поруганію. Тѣ педагоги, которые не могутъ отрѣшиться отъ космополитизма, должны идти искать царства на подобіе хазарскаго, а не оставаться на Руси. Скатертью имъ дорога.

Лѣтопись церковно-общественной жизни въ Европейской Россіи и Сибири.

Въ текущемъ году Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія вновь введены экзамены. Мотивируется это введеніе желаніемъ поднять и улучшить школьное дѣло, за послѣдніе годы подъ вліяніемъ разныхъ условій сильно понизившееся. Учащіеся, какъ свидѣлствуетъ ежедневная пресса, не довольны этой мѣрой... Съ истинно-педагогической точки зрѣнія правильно поставленные экзамены являются очень полезнымъ средствомъ при тѣхъ условіяхъ, которыя имѣютъ мѣсто въ школѣ. Эти экзамены приняты въ большинствѣ Западно-Европейскихъ странъ. Въ Англіи, напр., экзамены въ каждомъ классѣ въ теченіе одного года, бывають нѣсколько разъ. Въ Саксоніи экзамены бывають два раза въ годъ. Во Франціи экзамены приняты вездѣ. Тоже въ Швеціи, въ Голландіи, Швейцаріи и др. мѣстахъ. Нѣтъ экзаменовъ лишь въ Сербіи, Португаліи, Румыніи и Австріи. Знаменательно, что эти послѣднія страны не блещутъ особенной культурой... Конечно, это обстоятельство въ видѣ пониженной культуры объясняется не отсутствіемъ экзаменовъ, но во всякомъ случаѣ естественнѣе подражать вполнѣ культурнымъ и вполнѣ цивилизованнымъ государствамъ. Полезные вообще, какъ педагогическое средство, экзамены положительно необходимы тамъ, гдѣ наблюдается переполненность классовъ и гдѣ педагоги не имѣютъ возможности исправно контролировать познанія учениковъ. Экзамены при такой постановкѣ даютъ все же значительныя гарантіи того, что ученики будутъ выходить изъ школы съ извѣстными знаніями. По духовному вѣдомству экзамены въ текущемъ году тоже будутъ производиться, хотя по особенной системѣ. Полные экзамены будутъ только въ VI и IV классахъ духовн. семинаріи. Въ остальныхъ классахъ экзамены будутъ для тѣхъ учениковъ и ученицъ, которые имѣютъ 3 и 2. Настоящая практика вводится въ видѣ опыта —

Въ г. Одессѣ возобновились въ текущемъ году релігіозно-просвѣтительныя чтенія для одесской интеллигенціи. Первое чтеніе или вѣрнѣе первая лекція, была въ залѣ 4-й гимназіи. Въ качествѣ

лектора выступилъ преосвященный Анатолій, который прочелъ рефератъ на тему «Православіе въ Америкѣ». Лекція была прослушана съ полнымъ вниманіемъ. Ей предшествовали нѣкоторыя замѣчанія лектора объ общемъ политическомъ положеніи въ Россіи и Госуд. Думѣ съ ея необузданной, какъ выразился лекторъ, критикой всего существующаго. Слѣдующія чтенія будутъ предложены Петровымъ, Тимофеевымъ, Малиновскимъ, Петровскимъ и др. лицами изъ духовнаго міра.

Съ разныхъ концовъ Россіи приходятъ неутѣшительныя извѣстія, свидѣлствующія о тяжеломъ положеніи приходскаго духовенства въ сельскихъ мѣстностяхъ. Напр., въ Курской епархіи въ настоящее время замѣчается очень большое количество праздныхъ священническихъ и діаконскихъ мѣстъ, чего ранѣе не было. Тоже — въ Екатеринославской епархіи, въ Казанской и др. Одной изъ причинъ оставленія священниками приходскихъ мѣстъ по словамъ Самарскихъ Еп. Вѣдомостей, является экспроприація крестьянами церковныхъ земель, которая ухудшаетъ и и безъ того невысокое обезпеченіе церковныхъ причтовъ. Это явленіе пока еще въ очень слабой степени касается Сибири, гдѣ у духовенства мѣстное населеніе по мѣстамъ, будто-бы, отняло ругу.

Сѣздъ духовенства 4-го благочинническаго округа, Глазовскаго уѣзда, Вятской епархіи постановилъ оказать единовременную помощь голодающему духовенству Казанской и Самарской епархій, ассигновавъ изъ личныхъ средствъ по 5 р. съ причта.

Русская печать.

Духовная школа нашего времени.. Изъ Тамбова въ „Рус. Землю“ сообщаютъ:

Развратъ „освободительнаго“ движенія пустилъ такіе глубокіе корни въ мѣстной семинаріи, что дальше некуда, кажется, и идти.

Въ послѣднее время дѣло дошло до того, что воспитанники семинаріи занялись, должно быть для распространенія «освободительныхъ» идей, изданіемъ подпольнаго журнала „Факель“, весьма свободно обращающагося среди публики. На страницахъ этого журнала воспитанники семинаріи не только вѣячески глумятся и издѣваются надъ своимъ начальствомъ, но тѣмъ или инымъ причивамъ негоднымъ имъ, — но чтобы добить-

ся „свободы“, призываютъ всѣхъ своихъ товарищей къ забастовкѣ—отказаться отъ посѣщеній богослуженій.

Конечно, стоитъ ли „золотое“ время тратить на посѣщеніе богослуженій, когда его можно употребить на... шантажъ, экспроприацию?..

И это не шутка.

Не далѣе, какъ на-дняхъ, по словамъ „Тамбовскаго Края“, домовладѣлецъ П. Е. Платицынъ получилъ два письма, съ требованіемъ отъ имени социаль-революціонной партіи денегъ. Подъ угрозой смерти г. Платицыну приказывалось приготовить 40 р. и положить ихъ къ назначенному времени на парадномъ крыльцѣ своего дома.

Съ помощью полиціи были задержаны пришедшіе за деньгами двое юношей, оказавшихся семинаристами, на квартирахъ которыхъ при обыскѣ найдена масса нелегальной литературы, между которой и ЛМ „Факела“, печатавшася по всѣмъ правиламъ искусства на мимеографѣ.

Характерно, что въ числѣ издателей, писателей и просто экспроприаторовъ обнаружены второклассники.

Констинъ, дальше некуда идти?

Такихъ пастырей и просвѣтителей готовитъ тамбовская семинарія, давшая когда-то митрополита Палладія, серпуховскаго епископа Анастасія и др.

Агитація противъ начальства въ тамбовской семинаріи удалась: молодой ректоръ семинаріи, арх. Симеонъ недавно смертельно раненъ уволеннымъ воспитанникомъ. Отецъ ректоръ получилъ двѣ огнестрѣльныя раны, одну въ позвонокъ ниже поясицы, чѣмъ, опасаются, навсегда парализовано движеніе ногъ, и въ правое легкое.

Человѣка искалѣчили, быть можетъ, на всю жизнь. За что? А вотъ еще картина.

По словамъ „Симбирянина“, въ церкви симбирской духовной семинаріи во время всенощной въ канунъ Благовѣщенія, при громадномъ стеченіи молящихся, имѣлъ мѣсто небывалый по дерзости и безумію случай—произведена химическая обструкция! Флаконъ съ сероводородомъ поставленъ былъ хулиганами въ углу церкви, часть жидкости разлилась по полу, распространивъ отвратительный запахъ. Немедленно были приняты мѣры къ удаленію зловонныхъ газовъ. Въ этомъ поступкѣ подозрѣвается одинъ изъ исключенныхъ за дурное поведеніе семинаристовъ.

Что же въ результатѣ?

А въ результатѣ отовсюду поступающія извѣстія, что расшатанность духовныхъ семинарій вынуждаетъ

многихъ ректоровъ и инспекторовъ, выслужившихъ пенсію, просить объ увольненіи отъ духовно-учебной службы.

И не только выслужившихъ пенсію. Изъ Тобольска сообщаютъ, что ректоръ и инспекторъ семинаріи—молодые люди оставили недавно службу.

Стоитъ ли удивляться, что изъ такихъ школъ выходятъ авантюристы—Гапоны, готовые служить кому и чему угодно, только не церкви и что народъ отказывается давать церковныя суммы на содержаніе *такихъ* школъ?

Одинъ крестьянинъ пишетъ по адресу учащейся молодежи—не нашей духовной, а той, что занимаетъ высшія школы и удивляетъ міръ своими выходками. (Письмо адресовано, главнымъ образомъ, студентамъ медикамъ, которые прославились своимъ кулачнымъ правомъ).

По политическимъ убѣжденіямъ мы,—безпартійные и скорѣе тяготѣемъ къ центру, однако поступки гг. студентовъ возбуждаютъ въ насъ негодованіе! Какъ можно! 200 ученыхъ мужей избили двухъ союзниковъ, такихъ же равноправныхъ гражданъ. Осудивъ этихъ двухсотъ кулачниковъ, мы переплываемъ къ правому берегу политическаго моря, гдѣ больше свободы, гдѣ противника не бьютъ по лицу, да еще одного сто. Какой стыдъ медицинской академіи! Стѣны этой школы, видавшія среди себя столько великаго и умнаго,—эти каменные стѣны красѣютъ теперь, готовы провалиться отъ такого срама, какъ академисты (а не сторожа академіи) по мальчишески себя ведутъ. Учитесь стало некогда.—до того-ль, голубчикъ намъ! Вотъ такъ ученая интеллигенція, вотъ такъ любители свободы, затыкающіе кулаками ротъ говорящему! Что же изъ васъ выйдетъ, гг. студенты, и что вы изъ себя представите, когда школа разродитъ васъ въ міръ? Ученые-ли вы? Люди-ли вы? Насильники-ль, неучи-ль? Вотъ вопросъ!

Прискорбно слышать и читать, какъ наши высшія школы—храмы науки опускаются все ниже и ниже въ своей научности. Это всѣ понимаютъ прекрасно, лишь только красная печать это закрашиваетъ и одобряетъ. Думающіе серьезно посвятить себя наукѣ могутъ лишь пріятно мечтать и никоимъ образомъ не посмѣютъ заявлять о своемъ дерзкомъ желаніи—иначе будутъ биты студентами-политиканами. Послѣдніе, не учась, лѣнясь пріобрѣтать знанія, все-же таки хотятъ доказать свою зрѣлость, свою якобы образованность—политической разнузданностью, дешево стоящей: дерутся, поютъ марсельезы, воруютъ и проч. Побудетъ человѣкъ въ

университетѣ, понюхаетъ аудиторію, схватитъ десятокъ хлесткихъ словъ... и ужь считаетъ себя свѣтиломъ науки. А къ наукѣ-то еще и не подходили какъ слѣдуетъ — и лѣнь, и неспособны стали. Обуреваемые политикой и лѣнью, гг. студенты ужь не могутъ выносить долгой планомѣрной работы, — не по уму и не по силамъ стала, — и начинаютъ фиптить, прикрываться политической рогожей: мѣсяць учатся — три нѣтъ ученья, а все-же ближе къ концу. Въ итогѣ, пробезобразничавъ 3—4 года въ стѣнахъ университета, манкируя дѣлемъ, учась съ пятого на десятое и, прикрывшись красною рогожей политики, гг. все-же таки кончаютъ курсъ науки. Тяпъ да ляпъ — и вышелъ „высокообразованный“ юристъ, врачъ, которымъ граждане вѣрятъ жизнь, счастье. Съ какою совѣстью, съ какими глазами явятся подобные господа на общественную работу и какими знаніями они похвастаются? Жалко народа, который будетъ имѣть у себя такихъ руководителей безъ знанія.

Гг. студенты, взываемъ къ вашему уму и совѣсти — учитесь, бросьте политику и дайте другимъ учиться и приобрѣтать знанія на пользу родины, которая такъ нуждается въ свѣтѣ и знаніи. Вѣдь, мы на васъ надѣемся. У насъ уничтожаютъ національность, разбили вы и оплевали религію нашу, нравственные устои вы раскачали и оправдали кражу, развратъ, убійства, и не отнимайте же у насъ вѣры въ науку, надежды въ васъ. Горько, видя студентовъ другихъ націй учащимися, а васъ бездѣльничаящими. Будьте господами, а не рабами страстей, будьте рабами науки, и она васъ прославитъ. Васъ развращаетъ часть печати тѣмъ, что ваши бурнѣйшіе поступки одобряетъ, хвалитъ, оправдываетъ, замалчиваетъ. И это васъ ободряетъ, и вы, какъ дѣти, поглаженные по головкѣ, „работаете“... Истинно говорю вамъ: очень мало людей въ мірѣ, сочувствующихъ вамъ въ вашей работѣ — революціонной, много осуждающихъ васъ за бездѣлье преднамѣренное. Подумайте...

Крестьянинъ М. С.

Хорошо бы эти слова отнеслись и къ духовной молодежи... Но только не гласъ ли вопіющаго въ пустынѣ? А впрочемъ, такіе голоса раздаются все чаще и главное, все рѣшительнѣе и раздаются изъ разныхъ круговъ.

Чтобы закончить характеристику высшей школы, приведемъ выдержку изъ недавняго

письма члена императорской академіи наукъ, академика профессора А. Соболевскаго о воровствѣ въ высшей школѣ.

...Рѣшаюсъ обратить вниманіе кого слѣдуетъ на воровство, процвѣтающее въ петербургскомъ университетѣ и на петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ.

Шапки, муфты, боа, шарфы, книги, кошельки и т. п., при первомъ проявленіи нѣкоторой небрежности со стороны ихъ владѣльцевъ и владѣлицъ, исчезаютъ мгновенно и безслѣдно со столовъ и изъ кармановъ. Пальто, кофты, калоши, если они чего-нибудь стоятъ, оставленные на общемъ основаніи въ помѣщеніи для раздѣванья, безпрестанно замѣняются разнымъ старьемъ или уносятся даже безъ замѣны чѣмъ нибудь соответствующимъ. Нѣкоторые владѣльцы, желающіе сохранить за собою свои вещи, „приковываютъ“ ихъ къ вѣшалкѣ, пользуясь для этого специально приспособленной цѣпочкой.

Заявлять о кражахъ некому; искать убытковъ не съ кого. Время отъ времени показываются наивныя „просьбы“ потерпѣвшихъ возвратитъ взятую у нихъ „нечаянно“ вещь, не получающія, конечно, удовлетворенія.

Часть кражъ — увы, увы, увы! — производится студентами и курсистками, но въ большинствѣ случаевъ въ стѣнахъ университета и высшихъ курсовъ работаютъ профессиональные воры и воровки, пользующіеся свободой входа въ эти заведенія для всѣхъ и отсутствіемъ здѣсь какого-либо надзора.

Академикъ А. Соболевскій.

Комментаріи излишни...

Официальная хроника

Енисейской епархіи.

Отъ Енисейской духовной консисторіи.

„Енисейская духовная консисторія, вѣдствуя отношенія правленія Красноярской духовной семинаріи, отъ 7 марта с. г., за № 186, предлагаетъ о. о. благочиннымъ церкви Енисейской епархіи деньги, слѣдующія на содержаніе въ 1907 г. Красноярской духовной семинаріи въ количествѣ 4000 р. представлять не въ правленіе семинаріи, а въ совѣтъ Красноярскаго Епархіальнаго женскаго училища“.

Бакихъ либо иныхъ официальныхъ данныхъ ко времени выпуска № въ редакціонный комитетъ не поступало.